

Два года назад Юлия Коровченко помогала медикам под обстрелом организовывать эвакуацию беременных женщин. Из-за пережитого стресса сама она родила дочурку преждевременно.

Долгожданное женское счастье Юлия обрела, когда ей исполнилось 38 лет. Летом 2013 года сыграли свадьбу. Через шесть месяцев после бракосочетания Юля забеременела, [пишут](#) "Факты". На радостях муж носил ее на руках и засыпал подарками. Для супругов это был первый, выпрошенный у судьбы ребенок. Он должен был родиться в октябре 2014 года, однако война изменила естественный ход событий.

"Во время обстрела новорожденное дитя инстинктивно обхватило мамину шею ручками"

- А ведь высшие силы предупреждали меня о грядущих испытаниях, - вспоминает 41-летняя Юлия Коровченко. - Осенью 2013 года мы с мужем отправились в свадебное путешествие на Западную Украину. И там мне приснился сон: деталей уже не помню, но трактовку по соннику запомнила. Говорилось, что страну ожидают бунты и кровопролития, а мне придется искать счастья на чужбине. Я еще удивилась: у нас все так хорошо, зачем уезжать куда-то? Мы с мужем жили в Горловке в отдельной квартире, я работала пекарем, Саша трудился на предприятии "Артемсоль".

Поскольку я впервые забеременела в зрелом возрасте, врачи, опасаясь осложнений, настоятельно рекомендовали вынашивать ребенка под их наблюдением. В июне 2014 года легла на сохранение в горловский роддом. Однажды медсестры предупредили пациенток роддома: "Скоро начнут обстреливать Горловку. Соберите самое необходимое и держите сумки под рукой". Мы с девочками все подготовили, но, когда начался обстрел роддома, о "тревожных сумках" никто и не вспомнил - было не до того.

Сначала послышался свист, потом - звук бьющегося стекла и крики медсестры: "Все в коридор!" В это время моя соседка по палате лежала под капельницей. Одной рукой я схватила штатив с лекарством, второй взяла соседку за руку и потащила ее в коридор. Едва выскочили из палаты - как шарахнет! Стены задрожали, воздух сжался и начал давить, будто кольца удава. Я выдернула иглу из вены соседки, крикнув ей: "Зажимай локоть, падай!" И мы одновременно рухнули на пол - животами вниз. В голове стучала мысль: "Не убила ли я ребенка?" - и тут сверху на меня упала медсестра: ее отбросило взрывной волной. Не знаю, сколько мы так пролежали - час, может, два... Обстрел не прекращался ни на минуту. Потом узнали: в здание роддома попало сразу три снаряда. Как все остались живы - одному Богу известно.

Помню, кто-то крикнул: "Все в подвал!" - и мы, как зомби, бросились вниз по ступенькам. На лестнице стояла, широко расставив ноги, роженица, из ее промежности торчала головка ребенка. Две медсестры, держа женщину под руки, тащили ее в подвал. Она родила мальчика прямо на лестнице. У входа в бомбоубежище образовалось столпотворение: света не было, и беременные боялись заходить в темное помещение. Многие выскочили из палат босиком и, пока бежали по усыпанным осколками стекол коридорам, поранили ступни.

Женщины стояли возле стены - полуголые, перепуганные, окровавленные - и плакали.

"А ну взяли себя в руки! - говорю, а у самой от страха сердце из груди выпрыгивает. - Все будет хорошо". "Ты что, волонтер или медсестра?" - "Какой там волонтер? Одна из вас, лежу в шестой палате".

Рядом со мной стояла женщина, родившая ребенка за сутки до обстрела. Услышав взрывы, она схватила новорожденную дочку на руки и примчалась с ней в подвал. Женщина прижимала крошку к груди, а девочка обвивала малюсенькими ручками мамину шею. У меня слезы навернулись: суточное дитя, что оно понимает? А во время обстрела инстинктивно обхватило маму за шею...

Медсестры принесли свечи, и нас разделили на две группы: беременных поместили в первый подвал, а рожениц с младенцами - во второй. Я помогала медперсоналу пересчитывать пациенток. Как сейчас помню: в первом подвале находилось 12 беременных женщин, во втором - 23 мамочки с детками. Война войной, а природу остановить невозможно - девочки рожали практически непрерывно. Акушерки принимали роды на письменном столе, застеленном старой пеленкой. Новорожденных клали в пластиковые коробки, похожие на корзины из супермаркета (наверное, их заранее принесли в подвал). А в городе грохотали взрывы, с потолка на рожениц и деток сыпалась штукатурка...

"После каждого взрыва набитый людьми автобус аж подпрыгивал. Женщины от страха выли, водитель крестился"

- Первые сутки акушеры принимали роды голыми руками, - рассказывает Юля. - На второй день самая смелая медсестра сбегала в хирургическое отделение, принесла оттуда сумку с инструментами и коробку с медикаментами. В "родильном зале" соорудили родильное кресло - отодрали от стула сидушку. Роженицам требовались лекарства, и мужья женщин, несмотря на обстрелы, носились по всей округе (почти все аптеки закрылись). Один парень прибежал в подвал с пакетом медикаментов и окровавленной рукой. Едва приняв роды, акушерка тут же бросилась извлекать осколки из предплечья раненого мужчины.

В помещении стояла страшная духота, девчата сидели раздетые, мокрые от пота. На чем сидели? В подвале стояло пять кроватей, на каждой помещалось по три-четыре женщины. Спали по очереди на больничной каталке, укладываясь по двое "валетом". Но в сравнении с тем, как жил медперсонал, мы еще "шиковали". Акушерки и медсестры ночевали в соседнем холодном помещении, где спали на бетонном полу (ни одеял, ни подушек не было). Они все простудились и кашляли.

Больше суток мы просидели без еды и воды. На второй день медсестры пробежались по отделениям, собрав оставшиеся в палатах продукты и бутылки с водой. Я попросила принести мою "тревожную сумку": в ней лежала пачка вермишели "Мивина" и кипятильник. У кого-то из девчат нашелся ковшик, мы сварили суп. Разделили на всех поровну - по несколько ложек. "Разве беременным можно кушать эту химию?" - спросила одна девочка. "Когда идет война - можно, - говорю. - Жить-то нужно".

В течение нескольких дней большинство рожениц и беременных женщин родственники вывезли из города. Мой муж работал в Соледаре, где находится предприятие "Артемсоль", и не мог добраться до Горловки: электрички не ходили, таксисты отказывались ехать в зону обстрелов. В таком же отчаянном положении, как и я, находились еще четверо беременных. Мы провели в подвале пять суток. Все это время я звонила с мобильного во все инстанции: просила вывезти нас в безопасное место. Но везде говорили одно и то же: "Мы не знаем, как это сделать".

На пятый день появилась новость: врач-анестезиолог нашего роддома случайно обнаружила в подвале разбомбленной многоэтажки двух деток-грудничков (тела их мам в здании не нашли). Анестезиолог связалась с волонтерами из Центральной Украины, и те прислали микроавтобус, чтобы эвакуировать найденных. Я разыскала телефон анестезиолога: "Вывезите нас из этого ада!" Когда к зданию роддома подъехала "газелька", к ней сбежались люди - бабульки с кошечками и собачками, здоровые дядьки с баулами - и давай ломиться в салон. "Пропустите беременных!" - кричала я обезумевшей толпе, толкая девчат впереди себя. Но нас никто не слышал, образовалась давка. В ситуацию вмешался водитель, и мы, пятеро беременных, таки попали в микроавтобус.

"Газелька" была набита людьми, как консервная банка шпротами. На выезде из Горловки автобус остановили для проверки документов. И в этот момент начался артобстрел блокпоста. "Тикайте отсюда!" - закричали военные. Мы мчались на сумасшедшей скорости, а позади нас ложились снаряды. После каждого взрыва автобус аж подпрыгивал. Женщины от страха выли, водитель крестился... И тут у одной беременной отошли воды. Я не растерялась, начала командовать: "Мужчины, отвернитесь! Бабушки, давайте сюда свои сумки". Разложила чемоданы между установленными друг напротив друга сиденьями, постелила сверху чью-то простынь и положила роженицу.

Вместе с нами ехала анестезиолог (везла двух найденных на мирную территорию). "Будешь принимать роды", - говорю ей. В ответ - крик: "Не буду! Я детский анестезиолог, а не акушер". - "Ты врач!" Она достала одноразовые перчатки, натянула на дрожащие пальцы. Роженица кричала от дикой боли. Я стояла рядом, брызгала ей в лицо воду, обмахивала газетой... Анестезиолог бросилась звонить в службу скорой помощи Красноармейска (это был ближайший город). Врачи по телефону консультировали: "Считайте время между схватками... Может, дотянете". Слава Богу, мы довезли роженицу до Красноармейска - на въезде в город нас забрала карета "скорой" и доставила всех в больницу.

После пережитого у меня резко подскочило давление (200 на 160), перед глазами все расплывалось. Врачи сказали: скорее всего, придется делать кесарево сечение, но вряд ли удастся сохранить ребенка (в местной больнице нет оборудования для реанимации новорожденных). Поэтому меня отправили в Краматорск.

"У вас развилась тяжелая преэклампсия, - объяснили краматорские акушеры. - Ребенок задыхается. Сейчас же начинаем операцию". Когда меня везли в операционную, санитарка шепнула на ухо: "Проси Богородицу помиловать тебя. Врачи говорят: мол, ни роженицу, ни ребенка не спасем". И я молилась вслух, пока не подействовал наркоз... Софийка родилась на сроке шесть с половиной месяцев, весила полтора килограмма. Но я этого не знала - три дня была без сознания. Когда пришла в себя, увидела лицо мужа. "Слава Богу, все живы", - сказал Саша и разрыдался.

"Твоя дочка выживет, вот увидишь - Господь поможет. А я окрещу дитя бесплатно"

- За жизнь Софийки неонатологи боролись три месяца, - продолжает Юля. - А меня вытаскивали с того света две недели. На лечение уходило полторы тысячи гривен в день. Когда закончились семейные сбережения, муж начал занимать у знакомых. Потом одалживать стало не у кого. Мы звонили в разные организации, там говорили: мол, все средства уходят на поддержку украинской армии. Врачи советовали: "Окрестите

ребенка, это поможет ему бороться за жизнь". Муж в одну церковь, в другую - везде требуют 400 гривен. А у нас на тот момент не было ни копейки.

Помню, как я, чуть окрепнув, поднялась с кровати и поплелась в отделение реанимации новорожденных. Софийка лежала в специальном инкубаторе (кувезе): ручки толщиной с мизинец, ножки - как мой средний палец. При каждом вдохе тоненькая кожа западала между ребер... Увидев все это, я поняла: сделаю что угодно, лишь бы спасти свою дочечку. Пришла в ближайший храм и, заливаясь слезами, рассказала священнику о нашей беде. "Я окрещу дитя бесплатно. Твоя дочка выживет, вот увидишь - Господь поможет", - сказал батюшка и дал мне 200 гривен. Беседа со священником придала мне силы: я обратилась в местную газету, с ее помощью удалось собрать деньги на лекарства для Софийки.

Сейчас мы живем в селе Шандыголово под Красным Лиманом. Удобства во дворе, печное отопление, но главное - не стреляют. Семья большая - мы с мужем, Софийка, моя мама и сестра с племянником. Вопреки моим опасениям доченька быстро развивается. Она очень любознательная: едва за ней поспеваю.

Знаете, почему я изливаю вам душу? Очень хочется, чтобы женщины никогда больше не рожали в подвалах под обстрелами... Прошло почти два года, а я до сих пор не могу забыть войну. Каждый раз, когда хлопает дверца холодильника, дергаюсь, как ненормальная. Пережитое мною в горловском роддоме каким-то образом отложилось в памяти дочери. Услышав громкий звук, Софийка вздрагивает всем телом и закрывает голову ручками.

"Горловский Медиа Портал"

Как бы простые обыватели ни любили текстильное оформление оконных проемов, жалюзи на окна начинают занимать лидирующее место. И пусть в спальнях и детских комнатах предпочтение всё еще отдается традиционным шторам и гардинам, для оформления балконов и кухонь все большее число хозяек выбирают именно жалюзи. Они прекрасно изолируют помещение от проникновения солнечных лучей, неприхотливы в уходе, не требуют регулярной чистки и имеют долгий срок эксплуатации. [Заказать жалюзи онлайн](#) любых видов и размеров можно на сайте компании "Проем". Здесь же можно вызвать замерщика, подобрать материал, из которого будут изготовлены жалюзи и определиться с их типом.